

Напротив, те мыслители Зарубежья, которые разграничивали «пути мертвые и живые», тем самым ставили вопросы о «грядущей России» куда более четко и определенно. А значит, и выводы делали весьма основательные, вне зависимости от того, достигнуты ли те рубежи, которые были ими обозначены, или нет.

В таком понимании «безымянная страна» должна «снова стать Россией» (В. В. Вейдле), восстановив оборванную Советской властью традицию, идущую от эпохи Российской империи. Далее, речь идет и о «русской нации», которая, как предвещал на закате своих дней П. А. Сорокин (по происхождению – коми) неизбежно будет развиваться. Какие здесь возможны альтернативы социально-политического устройства – это еще один очень важный вопрос, также привлекавший внимание многих авторов Русского Зарубежья. Такое устройство может быть авторитарным (И. А. Ильин), может – и демократическим (Г. П. Федотов). А может образоваться и «народная монархия» (И. Л. Солоневич). Но в любом случае «грядущая Россия» есть «живой организм» (И. А. Ильин). Даже Г. П. Федотов, который в конце своей жизни полагал, что для России «солнце свободы восходит на Западе», все-таки признавал: главное в повестке дня на «завтрашний день» – то, каким будет сам «русский человек», как он будет развиваться. Тем более не считал обоснованными «надежды на иностранцев» И. А. Ильин, еще более полувека назад предостерегавший от слишком большого увлечения сотрудничеством с внешними для России силами.

Итак, научная и общественно-политическая мысль Русского Зарубежья оставила нам богатое наследие, которое наконец-то необходимо актуализировать и использовать в наших нынешних изысканиях, в том числе и по постсоветской проблематике. Этот опыт – завет и урок всем нам в том, как именно стоило бы непредвзято, с максимальной трезвостью отвечать на вопросы о месте России в окружающем мире. Вот почему необходимо очень внимательно отнестись к предвиденьям Г. П. Федотова 40-х гг. XX в. о неизбежности становления «нового мирового порядка», «новой универсальной империи», причем, скорее всего «в результате войны». Обращает на себя внимание и убежденность Г. П. Федотова в том, что такой ход событий еще не означает «конца России» – *Finis Russiae*. Более того, Федотов предсказал, что после исчезновения Советского Союза останется как целое Великороссия, включая Сибирь, «да еще с придачей Белоруссии (вероятно)».

Неустранимость России с мировой арены с большой силой подчеркивал и И. А. Ильин, настаивавший, что «Россия – это живой организм», всякие покушения на целостность которого могут привести к необозримым бедствиям.

*Щербин М. М.
г. Могилев, Республика Беларусь*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ X–XII ВВ.

Педагогическая мысль развивается под воздействием конкретно исторических обстоятельств, и поэтому изучение особенностей общественно-политического развития имеет большое значение для определения сущностных характеристик воспитательного процесса. Анализ объектов исследования в связи с условиями их существования дает возможность выявить их социальную обусловленность, определить их направленность и общественное значение.

Важнейшим фактором возникновения и развития идей патриотического воспитания у восточных славян является формирование классового общества и государственности. Данные процессы развивались на восточнославянских землях, начиная с IX века.

Однако особенности географического расположения, природно-климатические условия, различия в формировании властных структур, этнические отличия, нашествия кочевых племен - влияли не только на уровень развития феодальных отношений на землях Киевской Руси, но и определили особенности развития общественной мысли.

Выгодное геополитическое положение Полоцкого и Туровского княжеств также повлияло на их особый статус в составе Киевской Руси.

Особенностью Полоцкого княжества явилось то, что законодательная власть в нем принадлежала вече, которое приглашало князя на княжение, издавало законы, выбирало урядников, объявляло войну или мир. Однако, исторические источники свидетельствуют, что Полоцкая земля никогда не выпадала из политической жизни Руси, и была частью Древнерусского государства. В Турове находился одновременно и князь и посадник, кроме Новгорода явление необычное для древнерусских городов.

Данные особенности политического строя раннефеодальных белорусских княжеств обусловили и соответствующие особенности в развитии и содержании идей патриотического воспитания.

Следует отметить, что, несмотря на атрибуты власти и определенную независимость, все княжества Киевской Руси как внутри, так и за границами, воспринимались как единая Русь. Население этой Руси называло себя «русами», «русинами», «людьми веры русской» [1, С. 36]. Практически единым был тип города, его планировка, внутренний и внешний вид, способ жизни для всех княжеств. Общей для всех княжеств была письменность, древнерусский язык.

Как отмечает В. В. Старостенко, патриотизм в этот период «явился одной из форм соподчинения личных и общественных интересов, единения человека и определенной территории проживания» [4, С. 25]. Впоследствии, одна из главных тем историографии Киевской Руси – «осмысление проблемы общего блага, которое трактовалось как феодальное единство земли, народа и князя. Такое единство рассматривалось предпосылкой стабильности и могущества государства» [4, С. 27]. И, следовательно, его необходимо защищать и препятствовать распаду.

Население Киевской Руси не было социально однородным. Феодализм предполагает социальную неоднородность и социальную дифференциацию общества. Однако формирующиеся сословия имели общее в образе жизни и статусных признаках и как правило, общие интересы и цели. В то же время сама суть феодальных отношений не предполагает полной разобщенности общества. С появлением внешней угрозы происходит объединения сословий на основе высших общих целей – защита своего дома, земли, страны.

Важным фактором, повлиявшим на развитие педагогической мысли вообще и идей патриотического воспитания в частности, является кодификация феодального права. В «Русской Правде» еще сохраняются древнейшие элементы обычая, связанные с принципом талиона («око за око, зуб за зуб») – в случаях с кровной мстью. Но вместе с тем, главной целью наказания становится возмещение ущерба (материального и морального) [3, С. 255]. «Русская правда» и «Правда Ярославичей» юридически закрепляли социальное неравенство, например, вводили разные штрафы за убийство дружинника 40 гривен, а раба – 5. Определенным демократизмом отмечались взгляды белорусской просветительницы Ефросиньи Полоцкой, которая стремилась примирить «князя со князем», «боярина с боярином», «служанина со служанином», «но всех хотяше имети, яко едину душу»; и Кириллы Туровского, являвшегося сторонником политического

и церковного единства Киевской Руси, осуждавшего противоправные и вероломные методы в политике [4, С. 26].

Таким образом, происходило закрепление новой системы ценностей, сочетавшей в себе нормы обычного права и новые политические, правовые и моральные идеалы. К тому же христианские постулаты человеческого общежития, унификация прав, обуславливали консолидацию населения по социальному признаку, содействовали пониманию общности интересов, целей, задач общественного развития.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на развитие просвещения и воспитания на восточнославянских землях, было развитие ремесла и торговли, способствовавшее росту городов. Свидетельством активной торговли являются многочисленные торговые договоры. Наиболее тесные политические и экономические отношения у Руси были с Византией, что способствовало проникновению на Русь политических и философских идей античности.

Купцы являлись образованными людьми и, заботясь о своем благе и о благе государства, не могли не признавать этого же стремления и в других людях. По мнению В. В. Кускова, в этой противоположности и есть единство, некий интернационализм, основанный на межгосударственных и межнациональных отношениях [3, С. 231]. К тому же, торговые люди, являясь представителями своей страны, сравнивали особенности развития, жизни и т.д., и, зачастую, выступали ревностными хранителями всего «своего», «русского».

Определяющее влияние на развитие педагогической мысли Киевской Руси имело введение христианства.

Страна оказалась приобщена к христианским ценностям, на основе которых стали формироваться принципиально новые отношения, развивалась культурная и духовная жизнь. Вместе с тем христианство в его византийском варианте, привело к утверждению определенной модели цивилизационного развития восточных славян, ориентированной на сильную государственную власть.

Патриотизм заимствовал у христианства верность идее, а служение богу и служение Родине, защита веры и защита Родины в период внешней угрозы объединяются в одну цель – «... решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за веру христианскую, за землю русскую» [2, С. 124]. Принятие сознательной смерти из любви к Богу, «от рук поганых», побеждая страх, – высшая степень патриотизма, тесно связанная с идеей христианской любви до самопожертвования. Вот почему культ Бориса и Глеба явился одной из попыток православной церкви и государства «идеологическими средствами сохранить и укрепить единство Руси» [4, С. 31].

Геополитической особенностью белорусских земель было то, что они находились на границе с католическим миром, и поэтому христианская традиция начинала усваиваться как в восточном греческо-византийском, так и в западном римско-католическом вариантах. Исторические источники свидетельствуют, что почти в одно время с тем, как проходило крещение Киева по восточному обряду, туровский князь Святополк при помощи бискупа Рейнберга крестил жителей Турова по западному обряду. Безусловно, это накладывало свой отпечаток на развитие общественно-политической мысли на белорусских землях.

Особенностью введения христианства на восточнославянских землях является длительность и постепенность этого процесса. Господствовавшее в течение столетий язычество не было забыто. Исследователи отмечают период двоеверия как религиозной синкретизации христианских и языческих традиций.

Сосуществование на белорусских территориях одновременно языческих традиций и двух направлений христианства – православия и католичества содействовало развитию

толерантности древних жителей этих территорий, формированию их особого менталитета. Это нашло свое отражение и в педагогических традициях белорусского народа.

На протяжении X–XIII веков шел процесс утверждения христианства в качестве государственной религии и поэтому общественно-политическая, правовая, этико-педагогическая мысль имели религиозную окраску.

А. П. Забияко считает, что патриотические чувства на протяжении X–XIII вв. эволюционировали под воздействием как внутривосточных, так и внешних факторов. В X–XII вв. – патриотизм основан на сохранении своей собственности («своё ешь, а чужое не занимай» [1, С. 224]). С XIII века в условиях набегов монголо-татар патриотические чувства тесно связаны с верой христианской, защитой её от «неверных», поганых», «безбожных» («Лучше нам смертью славу вечную добыть. Нежели во власти поганых быть. Пусть, я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божие цркви, и за веру христианскую, и за отчину отца» [2, С. 39]).

В то же время патриотизм соседствует с идеей христианского смирения и покорности воле Божьей, а нашествия воспринимаются как кара Божья за грехи - «поэтому и наказание приемлем от Бога, – нашествие поганых за наши грехи» [2, С. 92]. Обязательным условием успешной битвы становится молитва, а результатом – Божья помощь – ««...Бог явил милость свою и дал победу...» [2, С. 57].

Крещение Древней Руси сопровождалось развитием образования и просвещения. Важнейшей основой просвещения на Руси послужила христианская вера. Она внесла новые начала в воспитание, определила нравственный характер жизни. Выбор веры был одновременно и выбором школы, характера образования. Великий князь и его окружение были заинтересованы в распространении новой религии как идеологической основы формировавшегося государства.

С принятием христианства выстраивается церковь и церковная иерархия, занявшая важное место в древнерусском обществе. Большую роль в развитии образования играли монастыри. Особенно велико значение Киево-Печерского монастыря, из которого вышли многие известные мыслители, подвижники, летописцы Антоний Печерский, Феодосий Печерский, Нестор.

В христианской литературе, апокрифичной и житийной, рассказывалось о христианских воинах – Георгии Победоносце, Дмитрии Солунском и др. Они, как носители сверхъестественной силы, выступали защитниками всего народа. На основе фольклорной и церковной традиций возник идеал христианского богатыря, который соответствует западному рыцарю, «святого воителя, который с мечом в руках поражает силы зла и безбожия» [1, С. 96]. Примером христианских воинов являются стратотерпцы, первыми из которых были Борис и Глеб. Князья-воины, которые, не осуществив никаких ратных подвигов, и даже в минуту опасности, нарочно сложили оружие и приняли смерть, пользовались большим уважением на восточнославянских территориях. Они «...земли русской защита, ее столпы и опора» [2, С. 112]. Это было связано с тем, что Борис и Глеб своим поведением показали готовность к самопожертвованию, осуществлению христианских заповедей: смирения, кротости, любви к ближнему. Их святость заключалась не в смертном величии, а в прижизненном вольном самопожертвовании ради ближнего. Идея «умереть – святее, нежели жить», пустила глубокие корни в древнерусской духовности [1, С. 141].

В период монголо-татарских набегов особенно усиливается патриотическая направленность духовной мысли, выразившаяся в стремлении к объединению и консолидации. Так «Повесть временных лет» проникнута «единой мыслью о Русской земле, о её защите, о необходимости единения перед лицом внешней опасности» [2, С. 38]. «Если же будете в

ненависти жить, в распрях и междоусобицах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим»[2, С. 40].

В XII–XIII веках Киевская Русь начинает распадаться на уделы. Рост экономической и военной мощи местных феодалов порождал сепаратистские настроения, стремление к независимости от великого киевского князя. В этот период «идея общерусского патриотизма, трансформировалась в патриотизм регионально-княжеский, а на последующих этапах – в национальный; идея политического сепаратизма, трансформировалась в идею политического суверенитета; идея высокой духовности, трансформировалась в идею ценности духовной культуры народа» [4, С. 42].

Следует отметить, что утрата политического единства восточнославянских земель не означала ликвидации духовных связей. Они основывались в этот период на соблюдении государственных традиций при сохранении авторитета старших. Такое понимание отражало официальную идеологию феодального общества и нашло отражение в педагогической мысли Киевской Руси. Консолидирующим фактором духовной жизни восточных славян, по мнению Л. Гумилева, оставалась православная вера. Всякий, кто исповедовал православие и признавал духовную власть русского митрополита, был своим, русским. С точки зрения пассионарной теории этногенеза Л. Гумилева, только православная церковь противостояла тогда окончательному распаду Руси.

Таким образом, общеславянский период в составе Киевской Руси, характеризуется формированием феодального государства и общества. Определяющее значение в этот период имело принятие христианства и осознание своей территориальной, вероисповедальной и языковой общности. Происходит трансформация патриотического сознания через привязанность к дому, земле, стране в целом. Соподчинение личного и общего становится основой для выработки идеи «общего блага», занявшей ключевое место в патриотической мысли. Однако необходимо учитывать региональные особенности развития белорусских раннефеодальных государств с развитой системой коллегиальности в принятии решений и сосуществовании на этих территориях язычества, православия и католичества.

Список литературы: 1. Забияко А. П. История древнерусской культуры / А. П. Забияко. – М.: Интерпракс, 1995. – 304 с. 2. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. / Сост. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М, 1990. – 302 с. 3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – СПб, 2000. – 326 с. 4. Старостенко В. В. становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII). / В. В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 200 с.